

ДЕЛЕГАТЫ! ВЫСЕЛЯТЬ НАС В ЛЕС!»

В ОКТЯБРЕ В МОСКВЕ СОСТОЯЛСЯ СЪЕЗД СОЮЗА ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, НА КОТОРОМ ОЛЕГ БАСИЛАШВИЛИ ПРОЧИТАЛ ОБРАЩЕННОЕ К ТЕАТРАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СТД АЛЕКСАНДРУ КАЛЯГИНУ ПИСЬМО ПЕТЕРБУРГСКИХ АКТЕРОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ДВС

ВЫ НЕ ВЕЧНО БУДЕТЕ МОЛОДЫМИ И КРАСИВЫМИ

Олегу Валерьяновичу Басилашвили, прочитавшему письмо на съезде, зал устроил овации. Должно быть, за смелость и неравнодушие — мало кто из театральных деятелей проявляет настоящее внимание в деле ДВС, особенно поражает равнодушие петербургских актеров, которые, кажется, думают, что они вечно будут молодыми, красивыми и их будут снимать в высокооплачиваемых сериалах. Актеры безмолвствуют, проявляя поразительное равнодушие к судьбе своих старших коллег. Отчаянное письмо ветеранов принесло некоторую пользу: члены президиума Александр Калягин и Евгений Стеблов предложили сформировать комиссию, которая разберется, можно ли сделать ремонт без выселения и насколько он тогда затянется. Если это возможно и сроки не критичны, то, по их словам, к этому приложат все силы. У ветеранов появилась надежда.

Чтобы узнать из первых рук, что же на самом деле происходит сейчас в ДВС, мы, как обычно, отправились в гости к Дине Петровне Кальченко. Но едва корреспонденты «Вечёрки» перешагнули порог дома, как на посту охраны раздался телефонный

звонок, после которого нас выдворили вон за ворота.

«Директор увидел вас в окне и запретил пускать на территорию», — заявил нам хамоватый охранник. Такому бы преступников охранять, а не пожилых интеллигентных актеров. В грубой форме нам запретили фотографировать даже фасад здания, и ветеранам пришлось разговаривать с нами за оградой ДВС. «Мы что — в концлагере находимся? — возмущались ветераны. — К нам не могут прийти гости?» Но директор Александр Белокобыльский был неумолим. После часового ожидания меня все-таки пустили в ДВС, а вот фотокор так и не была допущена на территорию.

В сорокаминутной беседе Белокобыльский упрекнул «Вечёрку» в пристрастности и необъективности. И поведал мне свою точку зрения на создавшуюся проблему: делать ремонт, не выселяя стариков, невозможно, потому что никто не может жить на стройплощадке. В Комарове уже начался грандиозный ремонт, к декабрю там будет все готово для того, чтобы принять ветеранов. Никаких проблем с коммуникациями не возникнет: у ДВС есть автобус, который и будет возить стариков в город и обратно. «Организуем выезды в поликлинику», —

заверил нас директор. А те, кто захочет ездить в город чаще, чем запланирует начальство, прекрасно смогут добраться на электричке (замечу от себя, что возраст ветеранов от 75 до 90 лет!). Когда же я спросила, почему сам директор проживает в гостинице ДВС, а не в собственной квартире, он обиделся: «Я же не могу ездить каждый день из Всеволожска на работу, это сколько бензина надо потратить!»

На мой вопрос, а как же тогда ветераны смогут ездить из Комарова в Петербург, да еще и не на машине, а на электричке, Белокобыльский снова начал рассказывать про один автобус, который будет удовлетворять все потребности в передвижениях 78 стариков, обрекаемых жить в лесу, в поселке, где нет ни поликлиники, ни магазинов. Белокобыльский заверил меня, что он действует исключительно в интересах ДВС, и план с переселением в Комарово — единственно возможный. «Но разве, начиная ремонт, не надо в первую очередь думать о ветеранах?» — спросила я. И получила ответ: «А я о ком думаю? О ветеранах, которые будут жить здесь через 5, 10 лет». Вот так! А нынешних жильцов, значит, можно просто списать со счетов и позволить им доживать в Комарове или умереть по дороге туда.

ПИСЬМА ВЕТЕРАНОВ

ЗА ПЛЕЧАМИ ТАКАЯ ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ...

Галина Георгиевна БОРОВЕЦКАЯ:

«Мне 90 лет, я почти не выхожу из комнаты. Болезни замутили. А за плечами такая трудная жизнь. Теперь нет ни одного человека, к кому я могла бы уйти из этого Дома жить, или как уходят сейчас в социальные дома некоторые наши товарищи. Там надо делать все самому. А я по состоянию здоровья не могу. Родина наградила меня орденом Великой Отечественной войны II степени. А наш руководитель, наш товарищ по ремеслу — актер Калягин приготовил нам сюрприз — такую беду. Это чудовищно!»

Я ВСЕМ БЫЛ НУЖЕН, МЕНЯ ЛЮБИЛИ ЗРИТЕЛИ!

Матвей Матвеевич ГАВРИЛКИН, заслуженный артист:

«Я только что из больницы. И понятно, что переехать на 2 — 3 года в лес, да еще сосновый, что противопоказано сердечникам, я не могу. К тому же у меня прооперирована нога и ходить мне тяжело. Ну какое тут может быть Комарово! Я даже не беру в расчет, что всю жизнь служил людям бескорыстно, спел за полвека в Мариинском театре ведущие тенорские партии, удостоен правительственных наград и звания заслуженного артиста России. Я говорю о своей общественной работе по линии СТД, где я работал с такими выдающимися деятелями театра, как Н. К. Черкасов, Н. К. Симонов, Ю. В. Толубеев. У меня кипы грамот и благодарностей. Я всем был нужен, меня любили зрители. А теперь я, выходит, никто, отработанный материал и меня можно, не спросив, вышвырнуть из дома?! Нет, этого не может быть, не должно быть!»

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Просим вас не быть жестокосердными

В разговоре с Диной КАЛЬЧЕНКО я задала ей те вопросы, которые поднял Белокобыльский.

— Дина Петровна, это правда, что оставить ветеранов на территории ДВС невозможно, потому что в других корпусах нет места, чтобы разместить всех?

— Пусть придет комиссия, и мы вместе посчитаем комнаты. Мы же с ветеранами еще год назад предложили этот план и все подсчитали: в деревянном корпусе 28 комнат, в 4-м — еще 20, в гостинице могут жить 13 человек (если оттуда съедет директор со своей семьей и жилец, которому сдают целый этаж). Еще 10 человек живут в медкорпусе, а 8 лежат внизу в лазарете. Это получается 79 мест, а нас сейчас здесь проживает 78. Так же можно решить проблему с кухней, с помещениями для директора и бухгалтерии. Только надо перестать сдавать помещения ДВС посторонним организациям и людям.

— Директор говорит, что в Комарове для вас будут созданы все условия...

— Ремонт в Комарове будут делать за 2 месяца. Как можно за такой срок отремонтировать трехэтажный дом? Там сделают комнаты по пять с небольшим метров. То есть на каждого преступника положено по 4 метра личного пространства, а у нас будет на один метр больше, и за это спасибо. Разумеется, там не встанет ничего, кроме кровати и маленького шкафчика, а ведь нам надо привезти с собой все вещи: и зимние, и летние, мы же едем туда не на пару месяцев, а на годы. А все остальные наши личные вещи — эти остатки нашей прошлой жизни, которые очень дороги старикам, — директор предлагает упаковать и убрать в сарай. Конечно же, за три года все это там сгниет.

— Белокобыльский обещает, что проблемы с поездками в город у ветеранов не возникнет, ведь у ДВС есть машина и автобус...

— Даже здесь, в городе, у нас есть проблемы с транспортом. Вот,

например, сколько мы ни просим директора, но газеты с почты нам привозят нерегулярно, хотя вроде бы шофер должен ежедневно заезжать за ними, да и ехать всего два квартала. Бывают такие дни, как сегодня, когда одну из жительниц пришлось срочно отвезти в одну поликлинику, а другой в это время нужно было совсем в другую. Бывает, что у кого-то зубы заболят, у кого-то желудок, а у кого-то сердце, но машина-то одна. И люди лежат здесь и чуть ли не умирают. Так что даже в городе не всегда получается организовать транспорт.

— Директор считает, что ветераны не хотят уезжать из упреков...

— Люди даже не понимают, что такое старый человек, что его нельзя трогать с места. Был у нас такой случай, когда одну очень старую женщину, уже лежачую, захотели перенести в медпункт, а это здесь же, в парке. Она просила и умоляла не трогать ее, дать ей умереть в доме, но ее все-таки понесли, и от стресса она умерла по дороге в лазарет. У людей нет сил даже вещи упаковать, а не то что переселяться в Комарово. Мы обращались к правительству, к управляющему делами президента с просьбой отремонтировать еще два корпуса, в которые мы сможем переселиться на время ремонта основного здания. И это возможно, потому что деньги на ремонт корпусов выделены. Мы получили письмо от Кожина, в котором он нам отказал, сославшись на то, что здесь будут отключены все коммуникации — свет, тепло, вода и жить станет невозможно. Но правительство ввели в заблуждение, директор нам сообщил, что на самом деле здесь остается жить он сам, его заместитель, часть сотрудников с семьями (а значит, здесь будут жить дети). И мы в своих письмах и обращениях просим дать возможность очень старым людям, которые доживают последние дни, спокойно умереть у себя дома, а не по дороге в Комарово. Основное население ДВС — старое, больное и немощное, и мы просим просто не быть жестокосердными.

ПРОЩЕ УМЕРЕТЬ

Ольга ЛЬВОВА-КРАЕВА, заслуженная артистка России:

«Нам необходим ремонт нашего Дома! Но вот я на учете у кардиолога (перенесла операцию), у онкологов. Мне надо постоянно у них появляться, сдавать анализы, проходить курсы лечения. Поэтому мне проще умереть, чем мотаться без конца из Комарова в город и обратно. Это просто НЕМЫСЛИМО. У многих наших ветеранов похожая ситуация. И это бедствие, настоящий апокалипсис! И ведь ЕСТЬ ЖЕ ВАРИАНТ, при котором мы можем остаться на нашей территории! Коллеги, делегаты съезда, прошу вас, войдите в наше положение, пожалейте стариков!»

Маска музы трагедии Мельпомены с ужасом взирает на происходящее.